

Во-первых, это было просто мероприятие, проводимое силами, входящими в состав крепости, и Лютерс планировал объявить о своей отставке и расформировании по этому случаю.

Но поскольку Леа никак не могла этого знать, она нахмурилась и спросила.

— Вы что, издеваетесь надо мной прямо сейчас?

— Нет.

— Ах, вы, как всегда, не умеете поддерживать беседу. Я думала, что в последний раз всё будет по-другому. Вот почему даже Арвен ушла с недовольным видом.

Леа вздохнула и покачала головой.

— Я думала, что командир, которого я знаю, просто скажет несколько слов и исчезнет на церемонии окончания войны. Я пришла, потому что подумала, что должна хотя бы оставить слова благодарности.

— ...

— Я просто хотела поблагодарить вас за вашу тяжёлую работу. Это всё, что я чувствую. Я хотела сблизиться, но в то же время я достигаю предела своей самооценки, понимаете?

Она, должно быть, была очень расстроена.

Даже она, которая редко проявляла негативные эмоции, сейчас дала нотку раздражения в свой тон.

— Но я не думаю, что вы плохой человек... В любом случае, спасибо вам за вашу тяжёлую работу! Я уверена, что никто в этой крепости не станет отрицать ваших способностей, командир.

С этими словами Леа развернулась и лёгкой походкой, совсем как в первый раз, вышла за дверь.

Затем она на мгновение выглянула из-за двери и добавила со своей обычной улыбкой, помахав рукой.

— Расправьте плечи и спину! Даже если вы выглядите немного сурово, Герой, спасший человечество, должен быть уверен в себе! Если вы будете выглядеть таким безжизненным, это заставит нас потерять энергию. Сегодня радостный день для всех, не так ли?

Тук-тук-тук.

Звук шагов постепенно затихал вдали.

Это было последнее, что он услышал.

Лютерс осторожно закрыл широко распахнутую дверь. Затем он запер дверь на ключ.

По какой-то причине он почувствовал тошноту и головокружение.

Возможно, это было из-за слов, которые он услышал когда-то раньше.

— Это может быть расценено как растрата, растратодательское поведение!

— Немного расправьте плечи и спину! У вас красивое лицо, но нет уверенности в себе! Если вы выглядите таким безжизненным, то что же это значит для меня, что я держусь с вами за руки, командир?

Похожие реплики, разные интонации, разная атмосфера, разные выражения лиц.

Знакомые голоса, которые он пытался забыть, продолжали звучать у него в ушах.

Лютерс немедленно достал транквилизаторы, хранившиеся в ящике его стола, и проглотил несколько таблеток.

До церемонии расформирования оставалось ещё немного времени.

Он подумал, что ему нужно проветрить голову.

* * *

Церемония празднования победы на Кладбище прошла в очень непринуждённой обстановке.

Некоторые были одеты в повседневную одежду или официальные наряды, как, например, платье Леа.

Некоторые были одеты в официальную военную форму, как Арвен.

Были и те, кто был одет в боевую форму, запачканную кровью, словно в знак уважения к боли

войны.

Это было действительно зрелище, достойное Кладбища.

Поскольку это была передовая линия человечества, собравшиеся там люди были все без исключения, кого можно было назвать «эксцентриками».

Конечно, если бы его спросили, кто лучше всего подходит под слово «эксцентричный» даже на Кладбище, где собрались такие люди.

Это был бы не кто иной, как Лютерс Эдан, комендант крепости.

Словно в доказательство этого факта, наряд Лютерса не совпадал ни с одним из людей, собравшихся перед трибуной.

Он был в военной форме.

Но на нём не было пиджака.

Пиджак, украшенный знаками различия и различными значками и медалями, был настолько важен для офицера, что его называли «честь».

Однако на Лютерсе была только белая рубашка, которую он носил под пиджаком.

Кроме того, на нём были джинсы, а на ногах — армейские ботинки.

Из-за его совершенно неподходящей одежды персонал Кладбища мог только покачать головами.

— А-а, проверка микрофона.

Лютерс поднялся на трибуну и начал свою памятную речь.

— Прежде чем начать главное мероприятие, посвящённое памяти, я должен кое-что сказать вам всем.

Он на мгновение закрыл рот и оглядел крепость.

Прошло много времени.

Сороковая регрессия.

Бывали случаи, когда он умирал менее чем за год, но в среднем он жил около трёх лет в каждом цикле.

Даже по простым подсчётам, это составляло 120 лет.

В течение 120 лет Лютерс Эдан был привязан к этому месту.

Неудивительно, что мне это надоело, — с горечью подумал Лютерс про себя.

Затем он оглянулся на своих товарищей в крепости, которые стояли перед ним, наблюдая за ним.

Арвен, пристально глядя на него.

Леа, вздыхая, как бы говоря, что он действительно выглядит ужасно.

Штурмовой капитан смотрел на него с застывшим выражением лица, а капитан разведки отворачивался, как будто его это не интересовало.

Реакция была разной, но подлинной доброжелательности по отношению к нему не наблюдалось.

Хотя он уже должен был привыкнуть к этому, по какой-то причине Лютерса охватило чувство, что у него болит сердце.

Нет.

Он снова собрался с духом.

Какой смысл был сейчас проявлять слабость? Он и так был безнадежно искалечен и пересёк реку, из которой не было возврата.

Сделав глубокий вдох...

Лютерс произнёс слова, которые долго сдерживал.

— С сегодняшнего дня я решил уволиться из армии.

— ?!..

— Таким образом, крепость, за которую я отвечаю, будет подвергнута последовательному процессу расформирования в соответствии с военными инструкциями.

Это было внезапное заявление об уходе в отставку и, в то же время, приказ о расформировании Кладбища.

<http://tl.rulate.ru/book/111404/4681802>